

Печерская Н.М.

Нарративный аспект влияния евангельской керигмы о Христе на происхождение и развитие библейской психологии

В статье рассматривается проблематика культурно-исторической законности влияния евангельской проповеди о Христе на происхождение и развитие библейской психологии. Был выявлен нарративный аспект, в пределах которого эмпирически облегчается психологическое обращение к духовным конструктам личности Христа относительно периодов истории психологии.

Ключевые слова: психологизация идеальной личности, онтологические типы евангельского нарратива.

Неоспоримый факт влияния христианства в его европейском варианте на понимание личностного подхода к человеку становится очевидным для гуманитариев, и не только религиозной направленности. Между тем, данное утверждение, рассматриваясь, как аксиома, в некоторой степени ограничивает какую-либо конкретизацию эмпирических исследований в этом направлении. Нами в качестве цели ставится изучение культурно-исторической динамики влияния евангельской керигмы (проповеди) о Христе на происхождение и развитие библейской психологии. Широта самой проблематики нами конкретизируется в объекте и предмете. Объектом послужили библейские тексты, теологические, философские, научные, в том числе и психологические тексты. В них угадывается характер жанра, начиная от фольклора ранней евангельской литературы, апокрифов, к жанру философско-риторическому и научно-эмпирическому. Предметом мы избрали нарративное изображение личности Иисуса Христа, как оно существует в евангельской керигме, и как в дальнейшем, появляясь в форме первоначальных элементов словаря библейской психологии в корпусе источников I – нач. IV века, получает своё развитие в корпусе источников XIX – нач. XXI веков. Нарративный подход к керигме о Спасителе в настоящее время признается как теологами, так и психологами. Он позволяет нам зафиксировать трансформацию мышления индивида в пределах нарратологического ресурса, в котором отражается культурно-историческая динамика в конструировании модели личности Иисуса Христа как личности идеальной или неидеальной, исторической или мифологической, а также психологической. В нашей терминологии это означает выполнение одной из эмпирических задач исследования, а именно – построение онтологической типологии евангельского нарратива с учетом концепции В.А. Шкуратова о «письменной ментальности личности и разрабатываемой в ее пределах наррадигмальной закономерности развития индивидуальных нарративов» [1, с. 77]. Однако, прежде чем прийти к такому выводу, следовало проделать работу по определению научно-религиозных сопоставлений в современной науке. Применительно

к психологии таких, по нашему мнению, четыре. 1. Свободная от ценностей (value – free) объективистская наука, которая с религией прямо не соприкасается. В отечественной психологии такой пример даёт тщательно и политкорректно построенный труд Д.А. Леонтьева «Психология смысла», в котором автор смог избежать всякого упоминания о религиозном содержании даже теологических работ. Один из механизмов порождения смыслов определяется им как процесс идентификации. «Осознание себя, скажем, православным..., ставит человека лицом к лицу с системой смыслов, выработанных соответствующей социальной группой» [2, с. 135]. 2. Секулярная дисциплина психологии религиозного человека описывает свой предмет в терминах объективных измерений. Д.О.Смирнов религиозную активность представляет как многокомпонентное психологическое образование, которое базируется на четырёх типах религиозной мотивации [3]. 3. Неконфессиональные трактовки, которые пытаются использовать концепт духовности как мост между двумя, казалось бы, несоединимыми берегами. С одной стороны, «преодолевается» ветхозаветная конкретность Духа как дыхания Бога (Бытие, 2, 7), теологическая догматика Духа Святого как ипостаси Троицы, с другой, наращивается трансцендентная составляющая смысла космического сознания (А. Маслоу) или стремления жертвовать собой ради других (Э. Фромм). В отечественной психологии духовность склонны отождествлять с ценностями культуры и творчества (А.А. Дергач, Э.В. Соколов). 4. В конфессионально ориентированной науке мы произвели сравнение православно (Л.Ф. Шеховцова, Ф. Васильюк), католически (Ж. Даниелу, Дж. Мартинетти) и протестантски (Л. Стантон, Р. Бульман) ориентированных стратегий в психологии.

Психография Иисуса Христа определено, но неоднозначно зависит от выделенных нами стратегий. В соответствии с критериями истинности в определении его личности, было отмечено три основных модели (ортодоксальная, принятая вселенскими соборами; историческая – Э. Ренана; мифологическая – Р. Бульмана). Мнение Э. Ренана и Б. Бауэра о беллетризованно-нарративном характере наших знаний об Иисусе Христе позволило нам определить евангельский нарратив как предмет исследования и проанализировать его структуру, основываясь на работах нарратологических (Дж. Поттер, М. Уотерелл.), социально-конструкционистских (Дж. Бруннер, К. Джерджен), нарративно-семиотических (Х. Херманс, М. Баль), религиозно-философских (Л.И. Василенко), исторических (К. Армстронг), теологических (И.Ратцингер, о.Антонино, С.Гондецкий).

Эмпирически был выявлен нарративный аспект евангельской керигмы о Христе по четырем текстам Евангелий (Марка, Матфея, Луки, Иоанна) и установлена закономерность появления в донаучном периоде истории психологии под влиянием керигмы первоначальных элементов тезауруса библейской психологии (Климент Римский, Тертуллиан, Климент Александрийский). Однозначность в определении личности Христа достигается благодаря попыткам структурировать её как состоящую из божественной и человеческой природ (Ориген). Собор 325 г. текстуально сужает психологизацию идеальной личности до символа «богочеловек», который,

приобретая для богословия официальный статус догмата церкви, теряет свои психологические оттенки.

Наукоцентризм Нового времени возвращением евангельскому нарративу статуса предмета исследования оформляет закономерность дифференциации религиозной мысли по отдельным областям научных знаний, в том числе и психологических. Психоистория евангельской парадигмы выстраивается в системе сложившихся тенденций развития экзегезы, которые определялись самой историей философской герменевтики (М. Лютер, Э. Роттердамский, Ф. Шлейермахер, В. Дильтей). Кроме того, в христианской мысли 19-20 вв. ведущими были требования либерализма адаптировать религиозные идеи к современной культуре. К 19 веку интерес к личности Иисуса был связан с возникновением образа человека в европейской культуре. Появляется искусственная фигура «исторического Иисуса» как совершенного человека, учителя нравственности, в котором действовала божественная сила мира. Грех начинает интерпретироваться как болезненность, невежество, поэтому религия превращается из дела спасения в терапию, в средство нравственного воспитания. В середине 19 века изучение божественно-человеческого образца природы человека в пределах между бессознательным (*unbewusste*) и сознательным (*bewusste*) требовало понимания природы богочеловека (Ф.Д. Делич). Во второй половине 19 века под влиянием нищезанятия личность Христа определяется в терминах патологии и дегенерации (Н. Werner и др.). С середины 19 века происходит приспособление категориального аппарата психологии к задачам экзегезы в западной теологии. Это движение, возрождаясь с конца 70-х годов, обосновывает становление библейской психологии как одной из отраслей теологии. Использованию евангельского нарратива (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, С. Шнейдерс и др.) способствовала обусловленная двумя мировыми войнами смена научно-религиозной мысли о человеке в области гуманизма и психоанализа. В восточной святоотеческой традиции предельная каноничность православной церкви на фоне идеологии атеизма способствует тому, что влияние керигмы о Христе переходит более в пространство русской литературы (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.). Будучи максимально активизирован в дореволюционной России, этот тип литературного использования выполнял определённую посредническую функцию в овладении гуманитарными признаками евангельской парадигмы, вызывая восторженные отзывы во всём мире.

Литература:

1. Шкуратов В.А. Историческая психология. – Ростов-на-Дону: Город N, 1994.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 1999.
3. Смирнов Д.О. Религиозная активность в структуре интегральной индивидуальности / дисс... канд. псих. наук. – Пермь, 2001.